

должам мануфактуры можно обойтись и безъ биржи, но ярмарка существуетъ не для однихъ королей, а для всѣхъ, кто сюда съѣзжается и кто платитъ ярмарочный сборъ... Это, почтеннѣйшій Савва Тимофеевичъ и К^о, "не тае"... На-дняхъ по сему поводу въ комитетѣ вышелъ разговоръ...

— Соберите подписи и подайте заявление!.. (Вопросъ, стало быть, попадетъ тоже въ комиссію).

— Городъ имѣетъ биржу, а ярмарка—нѣтъ... Это непонятно!..—горячился одинъ изъ пришлыхъ торговыхъ гостей.

— Гм. Гм... Подайте заявление!..

— Я хочу поговорить... Что мнѣ заявленіе... Я плачу...

— Гм... Подайте заявление!..

Трогательно прощались учителя и учительницы съ В. П. Вахтеровымъ, который на-дняхъ прочиталъ на выставкѣ лекцію и затѣмъ отправился по дѣламъ службы въ Петербургъ... Симпатичный, гуманный и высокообразованный педагогъ встрѣтилъ здѣсь суровый приемъ и проходы его были прямо трогательно выраженіемъ любви, уваженія и искренней признательности со стороны учительскаго персонала...

Е. Валинъ.

Бѣглыя замѣтки.

Когда появилась афиша, извѣщавшая публику, что около выставки въ зданіи "Картины Врубеля" имѣетъ быть первый общедоступный концертъ, публика скептически отнеслась къ этому.

— Картины Врубеля? Концертъ? Ага, понимаемъ! Навѣрное Вагнеромъ будутъ угощать. Или вообще что-нибудь этакое... новое въ духѣ картинъ. Не пойду.

И не пошла, хотя если-бы она прочитала программу, то, можетъ-быть, и пошла-бы. Программа концерта была старая. Пѣльизъ Овѣгина и изъ "Жизни за Царя" и пѣли недурно. И если-бы публика была на этомъ концертѣ, я лишился-бы очень оригинальнаго удовольствія слушать концертъ, который исполнялся исключительно для меня. Публикой былъ я и сами исполнители, которыхъ нельзя считать публикой, хотя они и сходили съ эстрады на мѣста для публики и апплодировали своимъ товарищамъ.

Было очень пріятно смотрѣть, какъ гг. Томарсъ и Вуренинъ поютъ, а хоръ сидитъ и, изображая публику,—хлопаетъ артистамъ. Поетъ г. Волжницкая—и ей хлопаютъ. Резонансъ—оглушительный. "Привѣсса Греза" такъ и дрожитъ, когда г. Томарсъ пуститъ въ ходъ всѣ свои голосовыя средства. Да, на концертѣ было пустынно, но весело. Артисты смѣются, хористы тоже смѣются, я самъ хотѣлъ смѣяться, но такъ какъ я одинъ былъ всей публикой въ залѣ, то сдержался, желая быть корректнымъ и показать гг. исполнителямъ, какая иногда публика бываетъ тихая и смиренная, несмотря на то, что сами исполнители такъ кричатъ, какъ будто они дома, а не передъ публикой. Попѣли, сколько по программѣ слѣдовало, и ушли. И я ушелъ обозрѣвать около выставочную территорию.

Около выставки право не менѣе диковинно, чѣмъ на самой выставкѣ. Есть, напримѣръ, дама съ бородой и со свидѣтельствомъ, удостоверяющимъ, что борода у нея не фальсифицированная. Посмотрѣть на нее стоитъ гривенникъ и потомъ можно заплатить рубль лишь-бы не видѣть ее никогда болѣе. Есть "живыя фотографіи" "только для взрослыхъ". Почему именно для взрослыхъ? А потому, что фотографіи изображаютъ такіе сюжеты какъ "Жемчужина гарема" и "Послѣ купанья". Есть "Нана", которой не слѣдовало-бы подходить съ ярмарки такъ близко къ мѣсту торжества русской промышленности. А впрочемъ? Есть блины, дипломированные въ Лондѣ. Они пекутся тутъ-же на чистомъ воздухѣ безъ всякой крыши надъ ними, въ печкѣ, не имѣющей ничего общаго съ печкой и даже, кажется, безъ огня въ ней. Съ виду лондонскіе блины похожи на вафли. Противъ нихъ, на землѣ сырой, помѣстились какіето коричневые пироги, которые совѣмъ ни на что не похожи.

Всюду рестораны, буфеты и лавочки, въ которыхъ продаютъ самарскія шляпы изъ соломы, цейлонскій чай, баварскій квасъ, рижское пиво; датскіе домики, бенгальскіе тигры, синематографъ, бѣлье изъ бумаги, кавказскія трости, крымскіе фрукты, фонографъ... Пѣлая маленькая ярмарка поражающая своей интернациональностью. Едва ли на земномъ шарѣ есть страна, въ которой было-бы такъ много всего датскаго, шведскаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго. Я увѣренъ, что только у насъ можно встрѣтить шведскія спички, американскіе чертей, французскую болѣзнь и англійскіе клоуновъ, въ такомъ удивительномъ распространеніи. Замѣчательно, что кавказскіе армяне нашли около выставки мѣсто для обота своихъ тростей и серебра. Но ни одинъ изъ русскихъ кустарныхъ промысловъ не фигурируетъ среди этого интернациональнаго базара, кромѣ московскихъ пироговъ и карманныхъ жуликовъ.

Возвращаясь къ концерту не могу не отмѣтить того факта, что онъ несмотря на свою общедоступность является какъ-бы излишнимъ. Дѣло въ томъ, что у насъ "слишкомъ много музыки". Дѣвъ оперы, Главачъ, Падуріано, балалаечники, бухарцы, ницца дѣти, хорваты и еще двадцать всевозможныхъ оркестровъ—можно оглохнуть отъ такого обилія музыки такой хорошей и дешевой.

Было-бы, пожалуй, лучше, если-бы въ зданіи "картины Врубеля" публикѣ предложили что-нибудь другое, вродѣ, напримѣръ,

чтенія пьесы Ростана или какихъ-либо объявленительныхъ чтеній по искусству живописи и т. д. Это было-бы и болѣе интересно, и—несомнѣнно, болѣе полезно.

М. Г.—И.

Изъ обывательской жизни.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

О томъ, какъ кухарка Марья попала въ тюрьму... Въ обывательской жизни "кухарка" занимаетъ не послѣднее мѣсто. Недаромъ поднять вопросъ объ обузданіи кухарокъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ юга. Стараясь упорядочить семейную жизнь, обыватель обратилъ вниманіе на кухарку, какъ одну изъ причинъ, нарушающихъ благополучіе его жизни, порѣшивъ ограничить кухарку въ правахъ. Все это въ порядкѣ вещей: человекъ во имя собственнаго благополучія всегда стремился ограничить ближняго... Но, господа, будьте всетаки снисходительными къ кухаркѣ и признайте за ней хотя тѣ права, которыя гарантируютъ ее отъ рабскаго состоянія. Я вамъ расскажу одну истинную исторію про кухарку Марью и про "дикую барыню", изъ каковой исторіи вы можете сдѣлать выводъ о необходимости нѣкоторыхъ правъ для кухарки и ограниченій правъ барыни-обывательницы. Эта исторія описана въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*.

Запасный солдатъ Ивановъ изъ дер. Терпигорева, по выходѣ въ запасъ арміи, женился на крестьянской дѣвушкѣ. Не имѣя возможности вести сельское хозяйство, супруги пошли оба въ услуженіе. Ивановъ нанялся въ гостиницу, а жена его Марья поступила въ кухарки къ одной какъ ее зовутъ, "дикой барынѣ". Послѣ нѣкотораго времени солдатикъ отошелъ отъ гостиницы и нашелъ себѣ мѣсто на желѣзной дорогѣ. Онъ предложилъ Марьѣ пойти къ нему. Та обратилась къ "барынѣ" за разчетомъ. Въ выдачѣ разчета ей хозяйка отказала, мотивируя отказъ тѣмъ, что нѣтъ другой прислуги. Тогда Ивановъ, заявивъ "барынѣ" что онъ даетъ ей 2-недѣльный срокъ на присканіе прислуги, ушелъ на службу.

Черезъ двѣ недѣли онъ вновь явился къ "дикой барынѣ" и получилъ тотъ же отвѣтъ.

Мужъ обратился къ содѣйствию надзирателя, который весьма "сочувственно" отвѣтилъ, что черезъ двѣ недѣли непременно освободитъ жену его изъ "плѣна".

Спустя двѣ недѣли Ивановъ обратился къ надзирателю за справкой; тотъ отправился съ Ивановымъ въ домъ "барыни". Побывъ нѣкоторое время у нея въ комнатахъ, онъ объявилъ Иванову ласково, что впродѣ до присканія новой прислуги, жена его уполна быть не можетъ.

— Когда же, ваше благородіе, будетъ эта "новая" прислуга? грубо спросилъ Ивановъ.

— Ты, братецъ, не груби,—последовалъ отвѣтъ.

Такой отвѣтъ заставилъ Иванова пожаловаться полицейскому управленію, которое снабдило солдатика тѣмъ-же "вельзѣ-съ".

Это положительно возмутило Иванова. Онъ рѣшился взять жену противъ воли хозяйки, безъ разчета, который намѣренъ былъ потребовать чрезъ судъ, такъ какъ чрезъ частыя оглушки въ городѣ онъ рисковалъ потерять службу,—последній кусокъ насущнаго хлѣба.

Предвкупая тихое семейное счастье въ будкѣ, гдѣ онъ томился одиночествомъ, Ивановъ приказалъ Марьѣ приходить на вокзалъ, откуда намѣренъ былъ отправиться къ мѣсту служенія съ первымъ попавшимся поѣздомъ.

Но похитить Марью мужу не удалось и его затѣя окончилась драмой.

Нѣкто состоятельный, безсердечный купецъ, Ш., ярый поклонникъ "дикой барыни" П., что-бы удержать Марью на службѣ, вздумалъ сыграть "шутку". "Шутники" подбросили на огородъ "барыни" мѣшокъ съ нѣсколькими фунтами дурнаго мяса. Когда Марья, заявивъ хозяйкѣ объ оставленіи службы взяла узелъ съ собственнымъ скрабомъ и вышла изъ дома на огородъ, по которому лежала тропа къ вокзалу и на которомъ работали массы поденщиковъ, Ш. вдругъ выросъ передъ нею, какъ грозный приказъ и, не смотря на бѣлый день, сталъ наносить ей легкіе побои, какъ воровкѣ, чтобъ устроить скандалъ. Тутъ же явился и П., какъ-бы свидѣтель по дѣлу "кражи". Марья, не зная за собой никакой вины, подняла вопль, требуя свободы и упрекая Ш. за незаслуженные побои. Но, не смотря на слезы, обидчикъ крѣпко держалъ свою жертву насилья въ желѣзныхъ рукахъ, открыто уличая въ кражѣ мяса и таща Марью къ мѣшку, дѣжавшему въ прогниположной сторонѣ отъ тропы.

Въ это время появляется долго ждавшій на вокзалѣ мужъ и, понято, вмѣшивается въ дѣло. Не буду утомлять читателя подробностями исторіи о кухаркѣ. Скажу лишь, что "шутники", оградя себя и свою честь, порѣшили изъ шутки сдѣлать серьезную кражу и Марья судилась, какъ настоящая воровка, и была присуждена на 4 мѣсяца тюрьмы.

Исполнитель приказаній судебной власти—пишетъ корреспонденту съ безцеремонностью потащить рыдающую "воровку" въ домъ предварительнаго заключенія.

Такой приговоръ, конечно, могъ-бы быть отмѣненъ при подачѣ апелляціи; но жалобы подать не удалось. Ивановъ два раза приходилъ за копією приговора и каждый разъ, къ несчастію подсудимой, не заставлялъ дома судью. Такимъ образомъ приговоръ вступилъ въ законную силу и жертва неумѣстной шутки отправлена въ тюрьму.

И такъ, бѣдная молодуха въ тюрьмѣ, а Ивановъ чрезъ частыя отлучки съ дѣла во время судебной волокиты, потерялъ мѣсто